

Алексей Сергеевич Гавриш

**НАРКОЛОГ
ПО ВЫЗОВУ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 616.8
ББК 56.14
Г12

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Гавриш, Алексей Сергеевич.
Г12 Нарколог по вызову. Москва: Издательство
АСТ, 2025. — 256 с. — (Звезда соцсети).

ISBN 978-5-17-168881-3

Ни один день из жизни врача-нарколога не похож на предыдущий, порой два «соседних» вызова составят такой контраст, что начинаешь гадать: какой сюжет предложит судьба за следующей дверью?

«Нарколог по вызову» не просто история о человеке, который помогает бороться с зависимостями; это живая хроника, в которой смех и трагедия часто идут рука об руку по коридорам многоквартирных домов, откровенная, напряженная беседа о многогранности человеческой природы, о стойкости и надежде.

УДК 616.8
ББК 56.14

ISBN 978-5-17-168881-3

© Гавриш Алексей Сергеевич,
текст, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2025

*С любовью и благодарностью моей семье —
за их терпение, поддержку и веру в меня,
а также моей сестрёнке Лизе, без помощи которой
эта книга не получилась бы вовсе.*

Глава 1

Введение.

Эта книга — про мою работу врачом-наркологом по вызову. Таких специалистов пренебрежительно называют «капельщиками» или даже «похметологами». Обычно это подработка в свободное время для психиатров, реаниматологов или врачей скорой помощи. Исходя из основной специальности, каждый из них имеет свою тактику ведения пациентов и свое понимание целей лечения.

Ко всему прочему для меня — это книга-диалог; диалог с моим папой, у которого было не то чтобы негативное, но скептическое отношение к подобному виду заработка.

Вы видели когда-нибудь пистолет? Настоящий боевой пистолет. Предположу, что видели. Может, на улице или в кобуре у полицейского. Я тоже видел и даже держал в руках.

К сожалению, у меня была боевая подготовка во время учебы. Нас учили разбирать и собирать оружие, а еще водили в тир. Мы стреляли куда-то в даль, где была мишень. Почему-то это мероприятие многим нравилось, а мне нет. У меня один только вид боевого оружия вызывал панику. А уж когда приходилось брать его в руки, то я весь обли-

вался потом и прикладывал невероятные усилия, чтобы скрыть свой страх от окружающих. Меня до сих пор приводит в форменный ужас только мысль о том, что чья-то жизнь может зависеть от крохотного движения пальцем на спусковом крючке ку-ска железа.

Терпеть не могу оружие. Отвратительное изобретение. Я всегда старался избегать любых ситуаций, где мог бы с ним столкнуться. Хотя заре-каться не стоит.

Диспетчер дала мне вызов, ехать надо было ку-да-то очень далеко, к правому берегу Невы, почти к границе города и области. Три часа ночи. Обще-житие пролетариата. Первый этаж с решетками на окнах. Домофон не работал, хоть он там и не ну-жен. Двери на входе в парадную не было, видимо, уже давно. Дверь в квартиру была приоткрыта, от чего уже на лестнице я услышал гул пьяных го-лосов. Звонка тоже не было, пришлось стучаться. Долго стучаться. Наконец меня встретил мужчи-на неопределенного возраста в засаленных спор-тивных штанах и с сильнейшим перегаром. Он что-то увлеченно жевал и жестом приглашал вой-ти вовнутрь.

В блоке было несколько комнат, объединенных общим сортиром и кухней. Одну из комнат зани-мала компания из человек семи или восьми. Все уже опьянели до потери сознания и продолжали праздник. Меня они вызвали, чтобы протрезвить женщину 40–45 лет, потому что ей завтра непре-менно требовалось выйти на работу. Один из при-сутствующих проводил меня в ее комнату и ушел к остальным.

Состояние женщины можно было описать вы-ражением «я — не я». Она была настолько глу-

боко пьяна, что не могла толком ответить ни на один мой вопрос. По-хорошему, в тот момент мне следовало бы развернуться и покинуть это место. Она не понимала кто я, зачем я тут, да и подписать согласие на оказание медицинской помощи она была не в состоянии. Вернее, не в состоянии понять, что от нее требовали. Я же хотел заработать денег, и мне обещали хороший гонорар, потому и принялся за дело.

Когда я уже почти завершал работу, вся компания, что продолжала праздник в соседней комнате, решила посмотреть на мою деятельность, помочь важными советами и замучить глупыми вопросами. Ничего, это привычно. Но когда я закончил с пациенткой, ко мне пристал один парень с просьбой, вернее с требованием, поставить капельницу и ему тоже.

С одной стороны, почему нет: два пациента на одном адресе — это выгодно. С другой — он был неадекватен: выраженная дисфория и стремление доминировать над окружающими. Все же мне пришлось пройти в его комнату.

Он шел впереди, то и дело небрежно пиная скомканную одежду, разбросанную буквально всюду. Мы зашли, и он сразу упал на диван. Я померил давление, затем уровень сахара, и он зашкаливал, превышал норму почти в десять раз! Это могло привести к очень плохим последствиям. Чувство самосохранения взяло вверх над алчностью: надо было срочно сматываться.

Я начал давать общие советы, как протрезветь и справиться с похмельем самостоятельно, но это только раздражало моего собеседника. В определенный момент в мой адрес посыпались угрозы, к которым присоединились некоторые из при-

сутствующих. Сделав паузу, я осмотрел комнату, и мой взгляд уткнулся в пистолет, лежавший в углу дивана. Не знаю, был он боевой, или газовый, или травматический. Проверять и уточнять это совершенно не хотелось. Хотелось бежать и не оглядываться. Но как? Я не придумал ничего лучше, кроме как предложить всем выйти на улицу на перекур. На удивление они согласились.

Дальше было уже проще. Я изобразил звонок от диспетчера и срочный вызов, на который надо ехать сию секунду, быстро пожал всем руки, и, пока они не опомнились, устремился к своей машине.

Когда я сел, у меня тряслись колени и руки. Попасть ключом в замок зажигания я смог только раза с третьего или четвертого. Наверное, им было смешно, как я с рывками и пробуксовками выезжаю из их заснеженной подворотни.

Не знаю почему, но эта история часто всплывает в памяти, и каждый раз неизменно сопровождается чувством страха и стыда. Хотя, казалось бы, чего стыдиться-то? На вопрос я до сих пор не ответил, как и не избавился от чувства.

А зачем я вообще вспомнил это все? Да, точно. Дело в том, что у меня началась бессонница.

Я спал полтора-два часа и только под утро, когда начинало светать. Сон мой был поверхностным и тревожным. Все предыдущее время я просто валялся в кровати, переворачивался с боку на бок и смотрел в потолок, хотя мог бы подняться и заняться чем-то полезным, например, посуду помыть или унитаз. Так нет же! Я продолжал лежать и заниматься увлекательным самоедством.

Перед внутренним взором всплывали самые постыдные ситуации из моей жизни, те, кото-

рые обычно предпочитаешь забыть или засунуть в самый дальний уголок памяти. Они не просто всплывали, их приходилось проживать заново. Совершенно идиотское времяпрепровождение, но довольно увлекательное.

В те ночи меня никак не отпускал разговор с моим отцом. Беседа не была какой-то особенной или уникальной, скорее, одной из обычных и самых обычных. Мы постоянно спорили с ним на темы, связанные с моей работой, и ни разу не пришли к результату, который удовлетворил бы обоих. Единственная особенность того разговора — он был последним.

— Я билеты купил.

— Куда?

— В Питер. Через месяц-полтора обратно.

— На кой черт?

— Елки.

— Ты решил вспомнить, как ходил в театральную школу? И поработать Дедом Морозом?

— Почти. Суть та же, но смысл немного другой.

— Снегурочкой?!

— Нет. Наркологом по вызову. Новый год — золотое время для такой работы.

— Разводить народ на бабки, играя на их слабостях, — это работа?

— Да, почему нет?

— Это пошло, глупо, аморально и, подозреваю, совершенно не интересно.

— Да, но деньги платят.

— Твое дело.

Мы могли с ним часами спорить, но мне ни разу не удалось посеять в нем даже крупицу сомнения. Он всегда твердо стоял на своем: алкоголизм — это следствие событий или внешних,

или внутренних, а то, чем я занимаюсь, — это развод населения на деньги без какого бы то ни было смысла или перспектив. Зарабатывание денег здесь и сейчас.

— О чем ты будешь думать лет через сорок, когда будешь сидеть в кресле на террасе и курить очередную сигару? Сколько человек ты обул? По сути, ты же их не спасаешь, а обманываешь, что якобы можешь помочь. У них появляется иллюзорная надежда, и тебе снова несут деньги.

— Мне нечего ответить, в принципе, так и есть.

— Если человек не в состоянии контролировать свои слабости, то это его дело и право. Зачем ты вмешиваешься в этот процесс?

— В большинстве случаев я и не вмешиваюсь, а всего лишь зарабатываю деньги на их слабости, как ты и сказал.

— Ты же играешь наравне с наркодилерами, и единственное отличие тебя от них — это что ты находишься в легальном поле. Человек слаб, а ты этим пользуешься и высасываешь из него последнее.

Это была ночь перед моим отъездом. Я нервничал и, как всегда, не успевал собрать чемодан. Разговор был рваным и непоследовательным. Я был уверен, что мы продолжим его по моему возвращении, но все пошло не по плану. Когда я вернулся, папе пришлось спешно уехать в Россию, в связи с некоторыми семейными обстоятельствами. Периодически мы общались по телефону, но в основном по делу и коротко.

А потом он умер, коварно скрыв от всех близких свою болезнь. Рано умер.

С тех пор, когда я не могу заснуть, я невольно возвращаюсь к тому диалогу, пытаюсь оправдать-

ся, придумать весомый аргумент, который был бы однозначен для моего отца. Я отчаянно обманывал себя в попытках уверовать, что вот сейчас, вот именно в этот раз я смогу сформулировать мысли и точно усну. Но у меня не получалось. Это меня терзало и истощало, я хотел отделаться от фантазий раз и навсегда.

При этом, несмотря ни на что, я стремился вернуться в то время и в то место. Хотя бы в воспоминаниях. Когда долго копаешься в обрывках памяти, то неизбежно от случайных, глупых, постыдных ситуаций переходишь к сценам, картинкам, событиям, в которых чувствуешь себя хорошо и уютно, из которых не хочется возвращаться в реальность. Даже понимая, что это сон, фантазия, ты всеми силами цепляешься за любые мелкие детали, которые помогут задержаться еще хотя бы на мгновение.

У всех людей есть в голове такие места. Конфабуляции¹ памяти, только не патологические, а достаточно естественные. Для меня этим местом стала задняя терраса моего дома в Гаване. Ночь, сигары, ром и папа в соседнем кресле, который с усмешкой закуривает очередную сигарету без фильтра, откашливается и продолжает вслух свои или наши размышления.

Черт. Похоже, сейчас я окончательно запутаю и сам себя, и воображаемого слушателя. Наверное, стоит рассказать хотя бы часть предыстории? Как я вообще там оказался? Откуда взялась эта терраса?

¹ Конфабуляция (лат. *confabulari* — болтать, рассказывать) — расстройство памяти, при котором человек имеет ложные воспоминания.

Длительное время я работал заведующим психиатрическим отделением в одном из стационаров Санкт-Петербурга, параллельно консультировал в частной клинике, осматривал население на комиссии по профпатологии¹ и был членом комиссии по определению образовательного маршрута для детей и подростков. Потом что-то переклинило: я уволился со всех многочисленных работ и переехал с семьей на Кубу.

Причин было несколько. Во-первых, я устал, но это не главный повод, конечно. Во-вторых, я поступил в аспирантуру Гаванского медицинского университета. В-третьих, пожалуй, самая главная причина, мой ребенок, у которого тяжелое заболевание. Для него климат на Кубе подходил гораздо лучше, чем петербургская слякоть.

На Кубе я жил на самом берегу океана. В пригороде Гаваны снимал большой дом с террасой, двумя манговыми деревьями и одним авокадовым. Там, под навесом, у меня был стол, за которым я обычно работал и днем, и ночью.

Родители к тому времени уже разошлись, у каждого была своя жизнь. Отец завершил карьеру программиста и перебрался в деревню, где выращивал пчел и кроликов. Однажды я предложил ему перебраться ко мне на Кубу, и неожиданно он согласился. На него я свалил практически всю заботу о сыне. Днем мы почти не пересекались: папа был занят внуком или своими делами, а я работал за монитором. Ночью же мы нередко

¹ Профессиональная патология — клиническая дисциплина, изучающая заболевания, которые развиваются в результате воздействия на организм вредных и опасных производственных факторов.

сидели все на той же террасе и вели многочасовые дискуссии.

У моего папы было невероятное терпение и умение объяснить все что угодно. Не обращая внимания на мою тупость, невнимательность, юность и нахальство, он всегда последовательно растолковывал все, что я не понимал с первого, второго или даже третьего раза. Особенностью его мышления было виртуозное владение формальной логикой. Любое явление этого мира он раскладывал на простые составляющие и выстраивал последовательности.

Когда я немного подрос, у меня даже появился азарт — задать папе такой вопрос, на который он не сможет ответить. Но как бы я ни изгалялся, у меня так ни разу и не получилось. Он всегда находил слова, формулировки, примеры для своих рассказов. В девять лет я знал, как устроена атомная бомба, паровоз, древнегреческие мифы и китайский язык. Поверхностно и примитивно, но все же.

Он никогда не говорил со мной как с ребенком, а всегда вел диалог с полноценным и равноправным собеседником. Беседы на любые темы были для меня привычны, естественны и органичны.

Каково же было мое удивление, когда я подрос и у моих друзей и знакомых стали появляться свои дети, и они общались с ними исключительно как с детьми! Надменно и с высоты роста, опыта, знаний. Нельзя воспринимать детей как детей. От этого они вырастают глупыми и не самостоятельными.

Со временем я научился спорить с отцом. Объем моих знаний медленно, но уверенно становил-

ся больше, и постепенно его объяснения переросли в диалог, в словесную игру. Он или я задавал тему, а дальше уже шла увлекательная интеллектуальная дуэль. Когда же я совсем повзрослел, получил образование и начал работать, то источником вопросов для наших дискуссий стал в основном именно папа.

Обращу внимание на интересную метаморфозу. Как обычно дети обращаются к своим отцам? В самом начале это «па», потом «папа». В подростковом возрасте «отец» или «батя» (по крайней мере, так было у моих друзей). У меня же папа превратился почему-то в «папика»: «отец» — слишком официально, «батя» — грубо, «папа» — по-детски. Тогда он стал для меня папиком. В первую очередь потому, что он был бесконечно добр и бескорыстен, мне хотелось обращаться к нему с нежностью, а «папочка» или «папуля» — как-то по девчачьи. Папик — самое то!

Так вот, папика искренне интересовали вопросы, связанные с моей специальностью, и мы нередко спорили именно вокруг них. К сожалению, его познания в психологии были чудовищно бытовыми и полными предрассудков, поэтому мне приходилось сначала излагать ему теорию, с которой он непрерывно пытался спорить, а только потом уже переходить к сути дискуссии.

Не стоит думать, что мы непримиримо спорили и диалог не заканчивался ничем, кроме взаимных обид. Проблема отцов и детей, по моему, надумана и высосана из пальца. Этот концепт можно рассматривать только как литературный феномен, как надуманный конфликт, необходимый для развития сюжета. Все дети похожи на родителей. Отличия могут быть во внешней фор-

ме, в обертке, в антураже, но содержание всегда сохраняется. Кто-то это понимает и принимает, кто-то отрицает, кто-то сопротивляется, но морально-этические качества решительно каждый копирует с родителей.

Фундаментом папиного мировоззрения, неоспоримой аксиомой, было одно слово — свобода. Никто и ни при каких обстоятельствах не вправе ограничивать свободу другого человека, даже невзирая на то, что человек может представлять опасность для других, даже имея дело с последствиями самых кошмарных деяний. Нельзя лишать человека свободы.

В этом вопросе папа занимал радикальную позицию и был непоколебим, поэтому, когда я закончил медицинский вуз и поступил в ординатуру по психиатрии, он не возражал. Это бы противоречило его главному принципу. Однако одобрения он тоже не демонстрировал, скорее, наоборот. При всяком удобном случае он высказывался пренебрежительно о моем решении.

Всякий раз он с чудовищным упорством старался мне доказать, что психические заболевания — это не болезни вовсе, а лишь вариант нормы, который заскорузлое общество отрицает. Каждый имеет право быть безумным, и ни мне, ни кому-либо другому не позволено лишать человека этой возможности.

Надо отдать папику должное: его суждения были гибкими. Когда он чувствовал, что ему не хватает информации, то внимательно слушал и был способен изменить свою точку зрения. Наших споров было столько, что я научился вести диалоги за двоих. Я научился пользоваться его логикой, да и объем знаний у нас со временем стал

примерно одинаков. Я знал, какими источниками он может оперировать в том или ином споре.

Споры продолжились, только теперь у меня в голове. Такая особенность моей психики невероятно важна, потому что я научился проецировать папу у себя в голове, воссоздавать его таким, каким я его помню.

Вернемся к рассказу. В одну из бессонных ночей мне в голову пришла совершенно не оригинальная идея: а может, не надо пытаться завершить тот несчастный разговор одной весомой фразой? К тому же, за все это время накопилось немало важных вещей, которые я хотел обсудить с отцом. Может, просто отпустить фантазию? Пускай это будет долго, но вдруг я смогу закончить тот диалог с папой? С этими мыслями я снова закрыл глаза и почти сразу оказался на нашей террасе рядом с папой.

— А знаешь, что меня все еще до сих пор удивляет?

— Нет.

— Вот ты сам говорил: психогигиена и психопрофилактика. Алкоголики, наркоманы, сумасшедшие — это только в рабочее время, в остальное — их не должно быть. А что по факту? Ты ворочаешься в постели с бессонницей, и твоя голова забита мыслями о работе. Как думаешь — это нормально?

— Нет, конечно.

— Чего сейчас не спишь?

— Пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Какие?

Папа взял со стола пачку сигарет, достал одну и, зажмурившись, закурил.

— Мне честно ответить? Или можно слукавить?

— Для начала — честно, а после — лукавь сколько вздумается.

— Я не хочу забывать это место, не хочу из него уходить. Хочу сидеть в кресле на нашей террасе вечно. Или хотя бы очень долго. Хочу, чтобы ты был рядом, чтобы этот разговор не кончался. И вроде бы нашел отличный повод.

— Ты же понимаешь, что это невозможно. Постепенно детали будут стираться из памяти, сливаться в единый клубок, больше похожий на слипшиеся пельмени, который не способен вызвать ничего кроме отвращения.

— Именно так. Я придумал отличный, как мне кажется, способ обмануть самого себя и отодвинуть как можно дальше неизбежную трансформацию воспоминаний.

— Какой же?

— Помнишь, что ты говорил про мою работу наркологом по вызову?

— Конечно, помню.

— И все свои усмешки и колкости по этому поводу?

— А с чего бы они куда-то делись?

— Я хочу объяснить.

— Это еще зачем? Неужели ты полагаешь, что сможешь меня переубедить?

— Переубедить? Это вряд ли, но мне бы хотелось, чтобы ты посмотрел и увидел картину несколько шире, возможно, глубже. Мне необходимо оправдаться в конце концов! А в идеале, конечно же, я жду от тебя похвалы и одобрения.

— Ладно. Ты не оставил шанса отказать. Давай попробуем. Только давай все же определимся: на что именно ты хочешь открыть мне глаза?

